

осыпан побоями, как многие из наших, от которых требовали денег. Один Бог нас питал, который заботится о пище всякого в свое время, кормит и воронят, взывающих к нему, и богато одевает полевою лилию, которая не ткет и не сеет. Но поселяне и чернь паносили пам, византийцам, много оскорблений по дороге, и с иронией называли нашу наготу и нищенский вид *равенством* (ισοπολιτεαν); бедствие соседей несколько не делало их благоразумнее. Многие нечестивцы даже благодарили Бога, что им удалось нажиться общественым достоянием, продавшим за ничтожную цену. Им еще не пришлось видеть в своих домах прожорливых латин; они еще не испытали их ярости и того презрения, которое латины питают к грекам.

Таково было наше положение и всех тех, которые были с нами одинакового состояния и образованности. Между тем низкая чернь и уличная сволочь обогащалась через разграбление святыни, которую распространяли латины. Враги же предались пиршеством и увеселениям, имея при этом в виду особенно осмеять и надругаться над греческими обычаями; так, они ходили по улицам, падев на себя, без всякой пужды, широкие одежды, а шеи лошадей украсили полотняным головным убором; белые ленты, которые развешивались по плечам, они привязывали к мордам животных, и с таким убранством разсезжали по городу. Другие послали перья (δοναχαζ, палочки для письма), чернильницы (δοχεια μελανοζ) и держали в руках тетради, как бы желая осмеять наших писателей. Большинство же забавлялось тем, что сажало на лошадей задом наперед обесчещенных ими женщин, завязав им волосы в узел и откинув их назад; кроме того, они украшали лошадей женскими головными уборами и локонами, и целые дни бражничали и пили, угощаясь лакомствами и дорогими яствами; другие же объедались отечественными блюдами, как-то: лопатки бычачины, отваренные в горшке, гороховая каша с свиным салом, приправленная чесноком, и соус, приготовленный из различных острых соков. После раздела добычи они не делали никакой разницы между святыней и обыкновенными

предметами, но обращали все для своего употребления, без всякого уважения к Божеству и религии, так что пользовались образами Спасителя и святых как стульями и скамьями.

6. Когда они начали разделять по жребию провинции и города, то при этом обнаружили бессмыслие, чтобы не сказать глупость, людей надутых изумительным чванством. Смотря на себя как на царей царствующих и как бы держа в своей деснице вселенную, латины разослали по греческим провинциям людей для того, чтобы разделить их по жребию на основании годовых доходов. В этот дележ вошли даже владения других народов: так в число жребиев была включена Александрия, знаменитый город, лежащий на Пиле; Ливия, простирающаяся до Пумидии и Кадикса; далее парфияне, персы, земля восточных иберов, Ассирия, Гиркания и другие восточные страны, орошаемые великими реками. Не были забыты и страны, лежащие на севере: они были разделены также по жребию. Один выхвалял свои города, их доходы и луга для прокормления лошадей; другой говорил о процветании всякими благами доставшейся ему доли; иные спорили за раздел городов; иные же менялись городами и переделывали границы. Многие весьма желали отправиться для завоевания Икония. Городские же ворота и часть цени, охранявшей гавань, они послали со многими кораблями в Сирию к своим землякам, извещая вместе с тем о взятии города. Но когда настало время избрания императора, все собрались для совещаний в храм св. апостолов. Сначала, вследствие какого-то отечественного обычая, они приказали поставить в ряд четыре чаши, по числу четырех кандидатов; одна из чаш содержала в себе бескровную жертву, другие же были оставлены пустыми. Эти чаши были вручены стольким же священникам с тем, чтобы каждый при имени того или другого князя взял чашу в руки и подал ее кандидату. Императорская власть должна была достаться тому, кто получит чашу с телом и кровью Господней. Но после, когда венецианскому дожу Дандоло показались более удобным назначить императо-